СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

НИК ГРЕЙ

«Он ожидал от себя ярости, боли, слёз — чего угодно.
А вышло, что ему было просто всё равно.
Как будто он каждый день разводился».

18+

ПАПИК

Ник Грей

ПАПИК

«Автор»
2026

Грей Н.

ПАПИК / Н. Грей — «Автор», 2026

Достаточно ли одной любви, чтобы сделать себя счастливым? Владимир был уверен, что да. Но два брака научили его обратному. Он решил просто плыть по течению — и не заметил, как любовь сама нашла его. Да вот только не одна.

© Грей Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 10
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Ник Грей
ПАПИК

Глава 1

Владимир Аристархович Самоснов всегда считал, что если уж браться за дело — то делать его на сто процентов. Будь то бизнес, семья или воспитание дочери. Он был из той породы мужиков, которые не умеют халтурить: если строить — то на века, если любить — то до конца, если быть отцом — то примером. Вот только жизнь, как выяснилось, не всегда отвечает взаимностью на такую основательность.

Первый брак научил его многому. В конце девяностых, когда страна катилась в тартарары, а он мыкался без работы, именно жена стала тем самым плечом, на которое можно было опереться. Ольга — тогда ещё просто Оля, худенькая девчонка с огромными глазами — говорила ему каждый вечер:

— Володь, ты у меня самый умный. Я в тебя верю. Ты пробьёшься, вот увидишь.

И он пробивался. Сначала рядовым менеджером в торговой компании, потом начальником отдела, потом — своим делом. Она поддерживала, он рос. Через шестнадцать лет за плечами был и бизнес, и квартира в центре, и дочь Алиса — свет в окошке. А потом всё рухнуло. В один момент.

— Владимир Аристархович, вы меня слышите? — голос арбитражного управляющего выдернул его из воспоминаний.

— Слышу, — коротко ответил он, хотя не слышал ни черта. Мысли были далеко. Там, где ещё была иллюзия, что всё в порядке.

В этот бизнес-проект он вложил всего себя. Без остатка. И когда он прогорел, он ждал поддержки. Хотя бы сочувствия. А получил удар в спину. Ольга не просто ушла — она ушла к человеку, с которым он сам её познакомил. К экс-солисту некогда очень популярной группы, кумиру девяностых. Володя привёл его на свой тридцатый день рождения — хотел сделать жене приятное, знал, что она фанатка. Тогда ему и в голову не могло прийти, что это приятное обернётся пятью годами её измен.

— Я подала документы на развод, — сообщила она ему как-то утром, спокойно помешивая кофе.

— Что? — он даже не сразу понял.

— Володь, ну давай без сцен. Ты же взрослый человек. Я давно уже с Сергеем. Ты сам виноват — вечно на работе. Я тебе не нужна была. А он... он меня понимает.

— Понимает? — переспросил он, чувствуя, как внутри что-то обрывается. — Ты пять лет... пять лет ты... — Он не мог подобрать слов.

— Пять лет, — подтвердила она. — И знаешь, это было лучшее время в моей жизни. Не смотри на меня так. Ты сам виноват.

Она говорила ещё что-то про то, что он стал скучным, что секс с ним превратился в обязанность, что она устала быть просто «женой». Но он уже не слушал. Внутри что-то щёлкнуло, и стало вдруг пусто. Как в выключенном телевизоре — экран есть, а картинки нет.

Развод прошёл буднично. Он ожидал от себя ярости, боли, слёз — чего угодно. А вышло, что ему было просто всё равно. Как будто он каждый день разводился. Пришёл, расписался, ушёл. Даже облегчение какое-то испытал. А потом дочь.

Алиса была его гордостью. Светлые волосы, упрямый подбородок — вся в мать. Он возил её в школу, на танцы, на английский. Выходные — обязательно вместе: зоопарк, кино, каток. Он думал, что их связь невозможно разрушить. А оказалось — можно. И даже очень легко.

— Пап, я хочу поменять отчество, — сказала она ему в четырнадцать, когда пришло время получать паспорт.

Он тогда поперхнулся чаем.

— Что? Зачем?

— Ну, во-первых, Владимировна — это как-то по-дурацки звучит. А во-вторых, — она отвела глаза, — мама говорит, что Сергей мне как отец. Он меня понимает. А ты... ты вечно занят.

— Алиса, — он старался говорить спокойно, хотя внутри всё кипело. — Я твой отец. Я тебя растил. Я...

— Ты меня бросил! — выкрикнула она. — Ты ушёл! Мама плакала! А Сергей... он всегда рядом. Он меня водил на концерты, он со мной разговаривает. А ты только спрашиваешь про оценки!

Он хотел сказать, что мама плакала не из-за него, а из-за собственной лжи. Что Сергей появился в их жизни, когда он, Володя, пахал как проклятый, чтобы у них всё было. Что он, чёрт возьми, никуда не уходил — это его выставили. Но вместо этого он просто сказал:

— Ну, если ты так решила... — и отвернулся.

Потому что не знал, как поступить. Как объяснить ребёнку, что мать предала отца? Как не сломать её мир, но при этом не потерять собственный? Родители его умерли в начале девяностых — не у кого было спросить совета. Друзей, которые могли бы что-то подсказать, тоже не осталось. Были партнёры, коллеги, приятели, но не те, кому можно было излить душу. Он остался один. И просто отпустил. Отвернулся. Спрятался за работой, как за щитом.

Ему пришлось вернуться в квартиру родителей в спальном районе Москвы — так как свою он ранее переписал на жену, и конечно, она его выгнала. Подобные истории сплошь и рядом происходят в Москве, когда москвич женится на приезжей, а та всё забирает и оставляет его в одних трусах. Хорошо ещё, что не послушал Ольгу и не стал продавать родительскую небольшую двухкомнатную квартиру, чтобы купить дачу. В родительской квартире он не делал ремонт со смерти матери. Обои обвисли и потемнели, кругом пыль и старая мебель из семидесятых. Квартира требовала очень серьёзного ремонта.

Так прошёл год. Володя мыкался по разным компаниям, нигде долго не мог работать. Однажды ему позвонил директор со старой работы и позвал на работу — не просто на работу, а на должность его первого заместителя по коммерческой части. Это был шанс, за который Володя ухватился.

Как-то однажды на местном районном строительном рынке он увидел свою первую любовь. Её звали Олеся Лопатина. Она была чуть старше него на пару месяцев. Москвичка, жила на соседней улице. Но Володя не решился к ней подойти, подумав, что она давно, скорее всего, замужем, и на кой чёрт ей сдался этот товарищ. Вечером, уже закончив устанавливать новые розетки, он сел за компьютер и зашёл на её страничку в «Одноклассниках». Поставил лайки на нескольких фото, где она была одна в красивом вечернем платье и где-то на отдыхе с сыном Дмитрием. Они списались, и через полгода поженились. Сын стал ему отдушиной — так как он очень скучал по дочке, всю свою любовь он стал отдавать Диме. Алиса и Дима были погодки, так что проблем у Владимира не возникало, он просто переключился.

Второй брак был не просто попыткой всё исправить. Он понял, что по-настоящему и сильно влюбился в Олесю. Она отвечала ему тем же. Дима рос, и Володя так прикипел душой к этому парню, что порой ему казалось — это его сын. Дима был сам себе на уме, да и очень сложный подросток, так как рос с девяти лет без отца. Отец, конечно, ещё та скотина. Тридцатисемилетний аварец приехал с братьями в Москву на заработки, засадил Олесе в восемнадцать лет ребёнка, а когда понял, что прописки ему не видать, ему даже сын стал не нужен. Просто ушёл к другой, которая и прописку дала, и всё остальное, чего он не смог получить от Олеси. Так Володя получил сложного подростка. Когда Дима попался с папиросой травы, а его

бабушка плакала и уговаривала оперативников отпустить внука — так как точно была уверена, что он не курит наркотики, — Володя, убедившись, что на самом деле парень не при чём и это всучил ему один из наркоманов, что жил в бабушкином доме, договорился с операми, и эту историю закрыли. Забрав Диму из ОВД и проведя жёсткую, но спокойную беседу о смысле его существования в этом мире, — Дима изменился. Он стал не просто слушать Володю, а стал опорой дома и в семейных делах.

Олеся была женщиной страстной в постели. Она позволяла Владимиру делать всё то, что не разрешала Ольга: ласкать её клитор, доставлять удовольствие, проникая в её вагину своей рукой, а та в свою очередь кончала. Володя был на седьмом небе от счастья. Жена была как в той поговорке: хозяйкой на кухне, королевой в гостях и проституткой в постели. Но их счастье продлилось всего десять лет.

Однажды Олеся, придя домой поздней ночью, сказала Владимиру, что больше не может работать финансистом, что устала от цифр и вообще хочет изменить свою жизнь. Если бы Владимир тогда понимал, что стоит за этими словами. Олеся пошла учиться на мастера по маникюру, потом работала то на дому, то у клиентов, потом ушла в салон и, год поработав, попросила у Владимира денег на курсы диспетчеров. Владимир был против этой работы, так как знал, чем всё это заканчивается. Из его жизненного опыта женщины или мужчины, которые начинают работать в сфере ЖКХ, либо спиваются, либо бросают семью и уходят к коллеге по работе. Но Олеся настояла на своём, и Владимир дал денег. Так как он знал многих чиновников в районной управе, похлопотал, чтобы через полгода Олесю перевели с диспетчеров в инженеры в главный офис жилищника их спального района.

Как он и предполагал, за несколько лет перед уходом Олеси они ругались, она приходила очень поздно домой, мотивируя это огромным количеством работы. Она быстро стала расти по карьерной лестнице и через два года уже была начальником отдела ПТО. В это время президент нашей страны объявил начало спецоперации на Украине. Владимир тогда не работал и не мог себя найти после банкротства его компании, в которой он проработал много лет. Помыкавшись по разным мелким конторам, он хотел устроиться на хорошую работу, но это требовало времени и денег. В начале марта, после празднования женского дня, Олеся пришла в стельку пьяна, в рваных колготках и с синяками на груди. Утром Владимир пытался с ней поговорить, но она отвечала, мол, это она виновата, выпила и ударилась. Он не поверил. Вечером он узнал, что его два одноклассника погибли при штурме аэропорта на Украине. Он решил вечером выпить и помянуть друзей, как это положено. Но вечером пришла недовольная Олеся и сказала:

— Что, уже в одиночку пьёшь, совсем себя распустил?

— Да пошла ты на хер, — выругался в полный голос он.

Она встала, развернулась и ушла. Совсем ушла. Забрала все кредитки, наличные и ушла. Оставила только ему полный морозильник еды.

Всё это он вспоминал, смотря в глаза своей соседке Люсе.

— Владимир Аристархович, вы меня слышите? — Люся помахала рукой перед его лицом, и её пухлые губы с яркой красной помадой тронула лёгкая, понимающая улыбка. — Вы как будто на луне. Я вам про счётчик говорю, а вы...

— Простите, Люся, — встрепенулся он, отводя взгляд от её глубокого декольте, в котором виднелась пышная грудь. — Задумался.

Она стояла в дверях его квартиры, облокотившись на косяк. Светлые волосы с платиновым отливом были уложены в аккуратную причёску, а серо-зелёные глаза смотрели на него с лукавым интересом. На ней было лёгкое домашнее платье, подчёркивающее аппетитные формы, а на ногах — мягкие тапочки. От неё пахло чем-то тёплым, домашним: свежей выпечкой и едва уловимым цветочным парфюмом.

— Да я не в обиде, — махнула она рукой. — У вас лицо такое было, будто вы сейчас в омут с головой. Вспомнили что-то?

— Вспомнил, — коротко ответил он.

— Плохое?

— Жену.

Люся понимающе кивнула. Её взгляд стал мягче, в нём промелькнула та самая житейская мудрость, которая появляется у женщины, повидавшей немало.

— Бывает, — просто сказала она. — Это со временем проходит. Хотя, говорят, не до конца.

Она поправила бретельку платья, и Владимир невольно проследил за этим движением. Её осанка была прямой, царственной, а в каждом жесте чувствовалась та самая уверенная чувственность, которая бывает у женщины, знающей себе цену. Она не кокетничала, не строила глазки, но от неё исходила такая спокойная, зрелая притягательность, что он вдруг остро осознал, как давно не был с женщиной.

— Люся, — позвал он, и голос его слегка охрип. — А вы... вы как?

— Я-то? — она усмехнулась, и на щеках появились милые ямочки. — Я нормально. Муж ушёл пять лет назад, сын вырос, живёт отдельно. Одна, как перст. — Она помолчала. — А что?

— Да так, — он пожал плечами. — Думаю, может, чаю? У меня есть...

— Только если с вами, — она улыбнулась шире, и в её серо-зелёных глазах заплясали озорные искорки. — А то я одна пью, как старуха.

Владимир отступил в сторону, пропуская её в квартиру. Она прошла мимо, и он ощутил лёгкий запах её духов — что-то тёплое, амбровое, с нотками ванили. В её фигуре была та самая «мягкая сила», которую он всегда ценил в женщинах: широкие бёдра, подтянутая талия, полная грудь. Всё на своих местах. Она выглядела уютной и в то же время невероятно притягательной.

— У вас тут холостяцкая берлога, — заметила она, оглядываясь. — Никак не обустроитесь?

— Да всё руки не доходят, — признался он. — После Олеси... как-то не до этого было.

— Понимаю, — она села на кухонный стул, и её платье слегка задралось, обнажив красивые, полные коленки. — А у меня после развода тоже был период. Потом ничего, втянулась. Жизнь-то одна.

Он поставил чайник, достал чашки. Руки слегка дрожали, и он злился на себя за это. Сорок восемь лет, а ведёт себя как мальчишка.

— Владимир Аристархович, — Люся облокотилась на стол, и её грудь в вырезе платья стала видна чуть лучше. Она, кажется, даже не замечала этого. Или делала вид, что не замечала. — А вы вообще как? После всего?

— Да никак, — честно ответил он, садясь напротив. — Точнее, никак не могу прийти в себя. Кажется, что я какой-то... не такой.

— Какой «не такой»?

— Ну, — он задумался, — неправильный. Делал всё для семьи, а в итоге остался ни с чем. Дважды.

— Знаете, что я вам скажу? — она посмотрела на него прямо, без тени кокетства, только с тихим участием. — Вы, Владимир Аристархович, просто выбирали не тех женщин. Вот и всё.

— Не тех?

— Не тех, — твёрдо повторила она. — Которые не умели ценить. Такое бывает. Люди разные, и не все умеют быть благодарными.

Она взяла чашку, которую он поставил перед ней, и сделала глоток. Её пухлые губы обхватили край чашки, и он снова поймал себя на мысли, что смотрит слишком пристально.

— А вы, значит, умеете? — спросил он тихо.

— Умею, — ответила она, отставив чашку. — Я вообще, Владимир Аристархович, женщина простая. Мне много не надо. Мне надо, чтобы рядом был мужчина, который меня ценит и уважает. А остальное... — она повела плечом, — остальное приложится.

В её глазах было что-то такое, отчего у него внутри становилось теплее. Взгляд у неё был спокойный, оценивающий, но при этом манящий. Она смотрела прямо, не отводя глаз, и ему казалось, что она видит его насквозь.

— Люся, — позвал он.

— Да?

— А можно я вас... — он запнулся. — Можно я вас просто Люсей буду называть?

Она улыбнулась, и улыбка у неё была тёплая, домашняя.

— Конечно, можно. А я вас — Володей. Идёт?

— Идёт, — согласился он.

Они просидели на кухне до глубокой ночи. Говорили обо всём: о жизни, о разводах, о детях, о том, как трудно бывает начинать заново. Она рассказывала про сына, который живёт в Питере, про свою работу в бухгалтерии, про то, как училась жить одна. Он — про свои бизнес-проекты, про дочь Алису, которая теперь взрослая и звонит раз в год, про то, как потерял всё и до сих пор не может найти себя.

Она слушала внимательно, не перебивая, и в её взгляде было столько тепла и понимания, что у него в горле вставал комок.

— А знаете, что, Володя, — сказала она, когда часы уже показывали третий час ночи. — Хватит вам киснуть. Жизнь продолжается. И вы, — она ткнула в него пальчиком с аккуратным маникюром, — ещё ого-го какой мужчина. Видно же.

Она встала, поправила платье, и он снова поймал себя на том, что смотрит на её фигуру, на её грудь, на её бёдра. Она заметила, но не рассердилась. Только улыбнулась чуть шире и подмигнула.

— Спокойной ночи, Владимир Аристархович, — сказала она, и голос её был мягким, как бархат.

— Спокойной ночи, Люся.

Она ушла, а он долго ещё сидел на кухне, глядя на опустевшую чашку, из которой она пила. В голове было непривычно пусто и в то же время легко. Впервые за долгое время ему не хотелось думать о прошлом. Хотелось думать о ней.

Глава 2

Прошло несколько месяцев. Весна в Москве в этом году выдалась ранняя, дружная, и к началу мая город уже утопал в зелени и цветах. Владимир как-то незаметно для себя втянулся в работу, которую нашёл через знакомых — не то чтобы предел мечтаний, но деньги платили, и это позволяло не думать о завтрашнем дне. С Олесей он не общался: она не звонила, он тоже не пытался. Обида ещё сидела внутри, но уже не жгла, а просто тупо ныла, как застарелая рана на погоду.

С Люсей они виделись часто — то в лифте, то у подъезда, то она забегала «за солью» или «за сахаром», то он помогал ей донести сумки из «Пятёрочки». Разговоры были короткие, ни к чему не обязывающие, но каждый раз после них у него оставалось в душе странное, забытое чувство — будто он снова кому-то нужен, будто его замечают. Он ловил себя на том, что ждёт этих случайных встреч, что вслушивается в шаги на лестничной клетке, что при звуке её голоса в подъезде у него внутри что-то теплеет.

Девятое мая наступило неожиданно. Москва в этот день всегда особенная: парадные кители, георгиевские ленточки, слёзы на глазах ветеранов, запах шашлыка с балконов и из парков. Владимир с утра посмотрел парад по телевизору, потом вышел во двор — просто подышать воздухом, посмотреть на людей. У него воевал дед, дошёл до Берлина, вернулся живой, но с войны принёс тихий, молчаливый характер и привычку просыпаться в четыре утра. Владимир часто вспоминал его — немногословного, с натруженными руками, с запахом табака и махорки. Вспоминал и понимал, что сегодня ему особенно остро не хватает кого-то рядом. Не для разговоров даже — просто постоять рядом, помолчать вместе.

Вечером он собрался выпить рюмку-другую за деда, за Победу. Достал из холодильника остатки водки, нарезал нехитрую закуску — варёная картошка, солёный огурец, кусок колбасы. Сел за стол, налил. Выпил. Помолчал. Налил ещё. Закусил. И тут в дверь позвонили.

Он нехотя поднялся, пошёл открывать. На пороге стояла Люся. На ней было то самое синее блестящее платье, которое он видел на фото, — с тонкими бретельками, с глубоким вырезом, облегающее её пышную фигуру так, что дух захватывало. Волосы она уложила в мягкие волны, на губах — яркая красная помада, на шее — тонкая золотая цепочка, которая терялась в ложбинке между полными грудями. В одной руке она держала бутылку хорошего вина, в другой — тарелку с нарезанными овощами и зеленью.

— С праздником, Володя, — сказала она, и в её серо-зелёных глазах плясали тёплые искорки. — Я тут мимо шла, смотрю — у вас свет горит. Дай, думаю, зайду. Не прогоните?

— Люся... — он растерялся, отступил в сторону. — Проходите, конечно. Вы... вы очень красивая.

— Спасибо, — она улыбнулась, и на щеках снова появились ямочки. — Я старалась. Всё-таки праздник.

Она прошла на кухню, поставила вино и тарелку на стол, оглядела его скромную закуску и покачала головой.

— Вот так, значит, поминаете? — спросила она мягко, без осуждения.

— Дед воевал, — коротко ответил он. — До Берлина дошёл. Вот... вспоминаю.

— У меня тоже дед воевал, — сказала она, садясь. — Под Москвой погиб. В сорок первом. Бабушка всю жизнь одна прожила, так и не вышла больше. Говорила: «Суженый у меня один был, и тот на войне остался».

Они выпили — он водки, она вина. Замолчали, каждый думая о своём. Потом она заговорила снова — тихо, неспешно, словно сама с собой.

— Знаете, Володя, я сегодня весь день одна. Сын позвонил утром, поздравил, сказал, что не приедет, у него дела. И я подумала — ну что я, старая, что ли, одной сидеть? Дай, думаю, зайду к соседу. А то сидим тут все по своим норам, как сычи, и делаем вид, что нам хорошо.

— А вам... нехорошо? — спросил он, глядя на неё.

— Мне? — она подняла на него глаза, и в них было что-то такое простое, честное, отчего у него перехватило дыхание. — Мне, Володя, иногда очень плохо. Особенно по вечерам. Особенно в праздники. Особенно когда понимаешь, что жизнь прошла, а ты так и не научилась быть счастливой.

Она помолчала, провела пальцем по краю бокала.

— А вы? — спросила она. — Вы счастливы?

Владимир задумался. По-настоящему задумался, как давно уже не делал. Он смотрел на эту женщину — с её платиновыми волосами, с её красной помадой, с её полной грудью, которая мягко вздымалась под тонкой тканью платья, — и понимал, что впервые за долгое время ему хочется ответить честно.

— Нет, — сказал он. — Не счастлив. Я, Люся, вообще уже забыл, что это такое.

— И я забыла, — она усмехнулась. — Вот так и живём. Два одиночества в соседних квартирах.

Они выпили ещё. Вино у неё было хорошее, лёгкое, и он почувствовал, как напряжение понемногу уходит из тела. Она рассказывала про свою бабушку, которая так и не вышла замуж после войны, про то, как та учила её: «Люся, счастья не жди, его строить надо». Он — про своего деда, про то, как тот учил его быть мужчиной: «Володька, главное — не бойся. Ни войны, ни бабы. Всё остальное приложится».

— Мудрые у нас были деды, — сказала Люся, глядя на него с тёплой улыбкой.

— Мудрые, — согласился он. — Только я, видимо, не всё усвоил.

Она вдруг потянулась через стол и накрыла его руку своей. Ладонь у неё была тёплая, мягкая, с аккуратным маникюром. И от этого простого прикосновения у него внутри всё перевернулось.

— Володя, — сказала она тихо. — Вы себя не вините. Вы хороший мужик. Я это... я это вижу.

— Как вы можете это видеть? — он горько усмехнулся. — Мы с вами толком и не общались.

— А мне много не надо, — она улыбнулась. — Я по глазам вижу. У вас глаза добрые. Усталые, но добрые. И взгляд жёсткий — потому что жизнь била. Но это не значит, что вы плохой.

Она убрала руку, но тепло от её прикосновения осталось. Владимир смотрел на неё — на её пухлые губы, на её серо-зелёные глаза, на её пышную грудь, которая мягко поднималась и опускалась в такт дыханию, — и чувствовал, как в нём поднимается что-то давно забытое, тёплое и живое.

— Люся, — позвал он.

— Да?

— А можно я вас... обниму? — он сам не ожидал от себя такой нелепой, мальчишеской просьбы. — Просто обниму. По-человечески. Я так давно никого не обнимал.

Она посмотрела на него долгим, внимательным взглядом. Потом встала, обошла стол и села рядом. Её пышная грудь оказалась совсем близко, и он ощутил запах её духов — тёплый, амбровый, с ванилью.

— Ну иди сюда, — сказала она просто, как будто они были знакомы сто лет. — Иди, мой хороший.

Он обнял её — неуклюже, как подросток, прижался к её мягкому, тёплому телу, уткнулся лицом в её плечо. Она обняла его в ответ, и он почувствовал, как её полная грудь прижима-

ется к его груди, как её руки гладят его по спине — медленно, успокаивающе. Внутри что-то дрогнуло, надломилось, и он вдруг понял, что по щекам текут слёзы. Он не плакал много лет — никогда ушла Ольга, никогда ушла Олеся, никогда потерял бизнес. А сейчас плакал, уткнувшись в плечо соседке, которую толком не знал.

— Тише, тише, — шептала она, поглаживая его по голове. — Всё хорошо. Всё будет хорошо. Ты справишься. Ты сильный. Я вижу.

Они сидели так долго. За окном уже совсем стемнело, в окнах соседних домов зажглись огни. Праздничный салют где-то в центре Москвы уже отгремел, и город затихал, убаюканный праздником и весной. Она не торопила его, не отстранялась. Просто держала, гладила по спине, что-то тихо шептала.

Когда он наконец поднял голову, их лица оказались совсем близко. Он видел перед собой её серо-зелёные глаза, её пухлые губы с яркой красной помадой, её аккуратные брови, её платиновые волосы. И в её глазах не было ни жалости, ни снисхождения — только тихое, тёплое понимание и ещё что-то, что он не решался назвать.

— Простите, — хрипло сказал он. — Я не хотел...

— Не смей извиняться, — она покачала головой. — Слышишь? Не смей. Мужчина имеет право на слёзы. Особенно такой, как ты.

Она помолчала, а потом вдруг сказала:

— Володя, а пойдём ко мне? У меня чай есть, торт. Посидим, поговорим. А то что мы тут, как два сыча в норе?

Он посмотрел на неё, и в душе поднялась волна благодарности — такой сильной, что перехватило дыхание.

— Пойдём, — согласился он.

Они вышли из его квартиры, она подождала, пока он закроет дверь, и они вместе поднялись на этаж выше. Её квартира была обустроена с любовью: мягкий свет, цветы на подоконнике, уютные кресла, ковёр на полу. Пахло чем-то тёплым, домашним.

— Проходи, — она махнула рукой. — Чувствуй себя как дома.

Он прошёл, сел в кресло. Она включила чайник, достала торт, разрезала, поставила на стол. Движения у неё были плавные, уверенные, и он смотрел на неё, не отрываясь.

— Люся, — позвал он.

— Да?

— Спасибо тебе. За сегодня. За всё.

Она обернулась, и в её глазах снова заплясали те самые тёплые искорки.

— Не за что, Володя. Не за что.

Она села рядом с ним, и он почувствовал тепло её тела, запах её духов. И впервые за долгое время ему показалось, что мир вокруг не такой уж и пустой. Что в нём есть место не только для боли и потерь, но и для чего-то тёплого, живого, настоящего.

Люся сама сказала это первой — тихо, глядя ему в глаза, без улыбки. И он не стал делать вид, что не услышал.

— Значит, будешь делать всё, что я скажу, — ответил он. — И скажешь, если станет слишком.

Она кивнула. Один раз. Больше он не спрашивал.

Он развернул её к себе, медленно провёл ладонями по плечам, вниз, по спине, и остановился там, где начиналось её собственное нетерпение. Люся хотела торопиться, но он не позволил. Держал её за талию, заставлял ждать, пока её дыхание не сбилось, стало тяжёлым и рваным, а пальцы сами не вцепились в его руку.

— Не спеши, — сказал он почти шёпотом, и от этого низкого голоса у неё по спине пробежали мурашки. — Ты сама попросила.

Она отвернулась, упёрлась ладонями в стол и закрыла глаза. Он был рядом, за спиной, и каждое его движение она чувствовала всем телом — не резко, а медленно, уверенно, так, что ей хотелось одновременно отстраниться и податься назад. Он придерживал её, не давая уйти от собственных ощущений. Его руки скользили по её бёдрам, и Люся вскоре перестала сдерживать голос.

— Вот так, — выдохнул он. — Не убегай.

Её ноги начали дрожать. Сначала чуть заметно, потом сильнее, и он почувствовал это коленом. Люся попыталась выпрямиться, но он не отпустил — только крепче взял за талию и притянул к себе, заставляя почувствовать всю глубину их близости.

— Смотри на меня, — приказал он.

Она повернула голову. В глазах — слёзы, зрачки огромные, губы приоткрыты. Она хотела что-то сказать, но вместо слов получился только прерывистый выдох. Он видел, как её накрывает: сначала напряжение в плечах, потом резкая дрожь, от которой задрожали бёдра, потом судорожный вдох — и Люся застонала так, будто ей стало слишком хорошо, чтобы это можно было выдержать.

Он держал её, пока её не отпустило. Не ускорялся, не отстранялся, просто был рядом — твёрдо, надёжно, не позволяя упасть.

Когда она обмякла, он осторожно развернул её к себе и прижал к груди.

— Я же сказал: не спеши, — тихо напомнил он.

Люся слабо улыбнулась, всё ещё не в силах стоять ровно.

Они переместились на кровать. Он опустил её на мягкие подушки, и Люся вытянулась перед ним, глядя снизу вверх. В её взгляде не было смущения — только желание и та самая тихая, уверенная чувственность, от которой у него внутри всё сжималось.

Она дышала часто, её грудь мягко вздымалась под тонкой тканью, и он не удержался — провёл ладонями по её телу, чувствуя, как она отзывается на каждое прикосновение. Люся выгнулась навстречу его рукам, её кожа покрылась мурашками, а дыхание стало ещё более частым.

— Ты... — только и смогла вымолвить она, когда его пальцы скользнули по её животу, спускаясь ниже. Она прикусила губу, пытаясь унять дрожь, но тело уже не слушалось. Она хотела большего, и он это чувствовал.

Он поднялся над ней, и когда вошёл в её тугое анальное отверстие, Люся резко вдохнула, вцепившись в его плечи. Её глаза расширились, а губы приоткрылись в беззвучном стоне. Он начал медленно — глубоко и плавно, заставляя её чувствовать каждое движение. Люся застонала, запрокинув голову, и её руки заскользили по его спине, притягивая ближе.

— Володя... — выдохнула она, и в этом имени было столько всего, что он ускорил темп.

Её тело выгибалось под ним, принимая каждое его движение. Он чувствовал, как она сжимается вокруг него, как её мышцы напрягаются, готовые взорваться.

— Смотри на меня, — снова сказал он, и она открыла глаза. В них были слёзы, но не от боли — от переизбытка чувств.

Он продолжал двигаться, проникая всё глубже, пока она не вскрикнула, выгнувшись дугой. Её тело судорожно сжалось, и он почувствовал, как её накрывает волна удовольствия.

Они переместились на кровать. Он осторожно перевернул её на спину и раздвинул ноги.

— Ты слишком хорошо слушаешься, — прошептала она.

— Это ты слишком хорошо просишь.

Он поцеловал её в лоб и помог опуститься на диван. Её ноги всё ещё мелко дрожали.

Она лежала, тяжело дыша, глядя в потолок. На её губах играла слабая, счастливая улыбка.

— Вот это... — выдохнула она, повернув к нему голову. — Вот это да.

Он усмехнулся, притянул её к себе, и она уткнулась лицом в его плечо, чувствуя, как его сердце бьётся где-то рядом с её собственным.

Утром он ушёл. Зайдя на кухню и бросив на неё быстрый взгляд, посмотрел на часы. Нужно было ехать на работу. Быстро сварив себе кофе, он выпил его залпом, обжигая горло, и в этот момент ему позвонила помощница.

— Доброе утро, Владимир Аристархович, машина у подъезда, — голос её был спокойный, даже немного умиротворяющий.

Настя — так звали его помощницу — была девушкой молодой, хорошо образованной, лет около двадцати девяти. Не замужем, стройная, с чёрными длинными, до плеч, волосами, карими глазами. Всегда носила деловой костюм. Девочка хорошая, умная, но порой так доставала своими планами по совещаниям и встречам, что ему просто хотелось выкинуть её из машины.

— Владимир Аристархович, вы меня слышите? — переспросила Настя.

— Да-да, — тяжело ответил он. — Доброе утро, Анастасия. Пять минут, и я выхожу.

— Хорошо, водителю я сейчас сообщу.

Он сел на стул, облокотился на кухонный стол и задумался. Вот жешь как получается: в последнее время он только и делал, что зарабатывал деньги, строил карьеру, а о себе так и не думал. Все эти годы — то с Ольгой, то с Олесей — он жил чужими интересами, чужими желаниями. Сначала тащил на себе бизнес, чтобы семья ни в чём не нуждалась. Потом, когда бизнес рухнул, тащил на себе быт, чтобы Олеся могла спокойно делать карьеру в своём ЖКХ. А когда она ушла, он просто поплыл по течению — работа, дом, работа, дом. И ни одной мысли о том, чего хочет он сам. Чего он, чёрт возьми, хочет.

А ведь Люся... Люся заставила его почувствовать что-то другое. Не жалость к себе, не обиду на весь белый свет. Что-то тёплое, живое. Он вспомнил её руки, её дыхание, её голос. И подумал, что, может быть, впервые за долгое время у него есть шанс на что-то настоящее. Если он, конечно, не упустит его. Как упустил всё остальное.

Он мотнул головой, прогоняя мысли, и настроился на работу.

Выйдя из подъезда, он увидел чёрный «Мерседес», припаркованный у тротуара. Настя уже стояла рядом с задней дверью, придерживая её открытой. Она выглядела безупречно: строгий тёмно-синий костюм, белая блузка, аккуратная укладка. На её лице была вежливая, дежурная улыбка.

— Доброе утро, Владимир Аристархович, — повторила она, когда он подошёл.

— Доброе, Настя, — кивнул он, садясь в машину.

Она села рядом, на переднее сиденье, и тут же открыла свой блокнот.

— Владимир Аристархович, у нас сегодня в десять совещание по проекту в Химках, в двенадцать — встреча с поставщиками, в три — звонок с Питером. И ещё нужно подписать документы по аренде склада, они лежат у вас на столе ещё с пятницы.

— Помню, — коротко ответил он, глядя в окно на проплывающие мимо дома.

— Вы сегодня какой-то... задумчивый, — заметила Настя, отрываясь от блокнота. — Что-то случилось?

— Всё в порядке, — ответил он. — Просто... личное.

— Понятно, — она не стала расспрашивать, и за это он был ей благодарен. Умная девочка. Понимает, когда не надо лезть.

Машина выехала на шоссе, и он снова погрузился в свои мысли. Перед глазами стояла Люся — её серо-зелёные глаза, её пухлые губы, её улыбка. Он думал о том, что впервые за долгое время ему хочется не просто пережить день, а прожить его. И вечером вернуться не в пустую квартиру, а туда, где его ждут. Где его, может быть, даже любят.

О

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.